

Археологические материалы, добытые экспедициями Шультена и других ученых, не дают пока возможности точно найти источник удивительной силы сопротивления Нуманции, с успехом противостоявшей многие годы непобедимой тогда римской армии.

Заступ археолога в будущем поможет найти новые памятники героизма и беспримерной в истории древнего мира стойкости и упорства нумантийцев.

Г. А. Цветаева

И. Б. ЗЕЕСТ. Пракситель. Издание Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. 1941, 48 стр., 16 рис. Цена 3 р. 25 к.

С удовлетворением можно отметить появление в свет популярной брошюры, посвященной творчеству великого афинского скульптора. Советский читатель, с интересом изучающий произведения античного искусства по оригиналам и копиям наших музеев, должен получить руководства, способные осветить и приблизить к нему творения древних мастеров. Форма небольшой монографии, охватывающей незначительное количество выдающихся памятников, особенно хорошо подходит для этой цели.

Внешнее оформление книжки, ее размеры, формат и выполнение иллюстраций следует, на наш взгляд, признать безусловно удачными. Удачен и выбор темы для первого выпуска, так как творения Праксителя, которые обращаются непосредственно к чувству зрителя, ближе и доступнее для современного человека, чем условная пластика архаики и обобщенные, величавые образы искусства V в. Общей положительной оценки заслуживает, по нашему мнению, и текст, хотя в него следовало бы внести некоторые, подчас весьма существенные коррективы. Автор дал доступное для читателя-неспециалиста изложение сложной темы, проявив мудрое самоограничение в выборе привлекаемых памятников. Описания статуй составлены толково и ясно, без увлечения трудно усвояемыми понятиями и второстепенными деталями, всюду выдвинуты на первый план основные, характерные для мастера художественные способы выражения и мотивы, благодаря чему облик великого афинского скульптора вырисовывается достаточно рельефно.

Освоив материал, автор во многих случаях не проявил, однако, должного критического к нему отношения. Это сказалось в ряде слишком уверенных утверждений, касающихся биографии мастера, а также в построении хронологии произведений Праксителя без достаточных для этого данных. Тот же недостаток проявляется и в некоторых упущениях при описании памятников. Так, знакомя читателя с ватиканской статуей Афродиты Книдской, автор не указывает на то, что голова здесь неправильно приставлена к туловищу, отчего значительно меняется впечатление, производимое статуей. Вообще следовало бы более отчетливо говорить об искажениях греческих оригиналов античными копистами и реставраторами нового времени. Мы боимся, что это упущение будет причиной многих недоумений со стороны читателя. Давая, например, воспроизведение статуи Афродиты из Арля, где богиня представлена с рукоятью меча в левой руке и с яблоком в правой, автор в описании (стр. 24) говорит, что богиня смотрит в зеркало, которое она держит в левой руке, поправляя в то же время правой рукой прическу. В примечании, правда, указывается, что правая рука неправильно реставрирована, но что подумает читатель о левой руке с рукоятью меча? То же и относительно дрезденской статуи сатира, наливающего вино. Мотив статуи правильно описан в тексте, на стр. 17: «в высоко поднятой правой руке он (сатир) держит сосуд и льет из него струю вина в чашу, которую он придерживает левой рукой», но в воспроизведении статуи никакой чаши в левой руке не оказывается.

Как было указано выше, мы считаем большой заслугой автора отказ от анализа большого количества статуй, приписываемых Праксителю, и построение своего изло-

жения на ограниченном, но более или менее достоверном материале. Однако и здесь следовало сделать еще один шаг в том же направлении. Современная история античного искусства, в отличие от недавнего прошлого, старательно избегает атрибуций, основанных на гипотезах, и предпочитает иметь дело с небольшим, но строго проверенным подбором статуй. Это, несомненно, здоровое направление в науке об античном искусстве не отказывается, конечно, от сопоставления тех или иных статуй с именами знаменитых мастеров на основании данных стилистического анализа, но требует четкого разграничения между бесспорно установленным и более или менее вероятным. Последовательного проведения этого принципа в разбираемой брошюре, к сожалению, нет. Эрот Ченточелле, Афродита из Арля и Артемида из Габий безоговорочно трактуются как копии с произведений Праксителя, тогда как авторство афинского скульптора в данных случаях только предполагается.

Наше главное возражение относится, однако, к статуе Гермеса с младенцем Дионисом, ибо здесь особенно сильно чувствуется отмеченный нами недостаток критического отношения автора к источникам, а также к использованной литературе. На стр. 26 автор утверждает, что данная группа была одной из лучших работ Праксителя. Однако тут же отмечается, что в античной литературе сохранилось только одно краткое о ней упоминание. Этот факт, а также отсутствие античных статуарных копий с Гермеса не согласуются с высокой оценкой, даваемой группе в брошюре, так как прославленные в древности работы Праксителя описаны неоднократно в дошедших до нас трудах античных писателей и многие из них сохранились в целом ряде древних копий.

Четырнадцать лет назад молодой скульптор, Карл Блюмель, уже успевший зарекомендовать себя солидными исследованиями в области античного искусства, выпустил книгу о технике античной скульптуры¹. Он, между прочим, пытался доказать, что статуя Гермеса с младенцем Дионисом не является работой самого Праксителя, а лишь копией римской эпохи со статуи афинского мастера. «Разоблачение» знаменитой статуи, считавшейся единственной дошедшей до нас круглой скульптурой, исполненной рукой выдающегося мастера IV в., не имело, однако, успеха. Поднятый Блюмелем вопрос неоднократно обсуждался на страницах заграничных специальных журналов², но Блюмель остался при своем мнении почти единоличным. Конечно, подобная проблема не может быть разрешена подсчетом голосов, но дело в том, что аргументы, выдвинутые Блюмелем, столь убедительные на первый взгляд своей кажущейся объективностью, были разбиты его оппонентами. Мы не имеем возможности изложить здесь ход дискуссии и отсылаем читателя к указанной выше литературе. Скажем только, что, насколько можно судить по имеющимся в библиотеках Ленинграда новым работам по античному искусству, появившимся в свет после издания книги Блюмеля, статуя Гермеса попрежнему пользуется вполне заслуженной славой подлинного произведения самого Праксителя³. Некоторые авторы новых руководств по истории античного искусства даже подчеркивают, что Гермес должен служить образцом, по которому искусствоведам надлежит учиться различать греческие оригиналы от римских копий⁴.

Как же отнесся автор разбираемой брошюры к этой полемике? В двух местах (стр. 28 и 31) мы находим у него высказанное в категорической форме утверждение, что статуя Гермеса «представляет собою копию римского времени с оригинала Праксителя», со ссылкой на аргументацию Блюмеля, которая излагается тут же в сжатом виде. О возражениях оппонентов Блюмеля автор не упоминает ни единым словом, и читатель неизбежно должен прийти к выводу, что статуя Гермеса окончательно раз-

¹ C. Blümel, Griechische Bildhauerarbeit, Berlin, 1927.

² AJA, 1929 и 1931; «Gnomon», VII, 1931; «Oesterreichische Jahreshefte», 1929; JHS, 1929 и др.

³ G. Rodenwaldt, Die Kunst der Antike, 1927; G. Richter, The sculpture and sculptors of the Greeks, 1930; A. Rumpf, Griechische und römische Kunst 1931; J. Beazley and B. Ashmole, Greek sculpture and painting, 1932.

⁴ A. Rumpf, op. cit., стр. 58.

венчана и переведена в разряд римских копий. В спорном вопросе каждый искусствовед волен, конечно, держаться своей точки зрения, но в популярной брошюре, особенно когда дело касается столь выдающегося памятника, недопустимо выдавать гипотезу за общепризнанную истину.

При просмотре корректур не было обращено достаточного внимания на орфографию встречающихся в тексте греческих слов. Так, в слове *ἵδοναι* на стр. 10 имеются две ошибки. Мы полагаем, наконец, что брошюра очень выиграла бы, если бы к ней был приложен краткий список важнейшей литературы о Праксители, руководясь которым читатель мог бы углубить сведения, почерпнутые из прочитанной им популярной книжки.

М. Максимова

ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. Том II. Гос. изд-во «Искусство». М.—Л., 1940.

Вышедший недавно второй том перевода Павсания (V—X книги) является завершением изданного под тем же заглавием в 1938 г. первого тома (I—IV книги). Мысль издать новый перевод Павсания нельзя не приветствовать, несмотря на наличие двух русских переводов этого писателя, ибо один из них, изданный в начале XIX в., совершенно устарел, а другой, более поздний (1887—1889) перевод Г. Янчевецкого не лишен существенных недостатков, и, кроме того, стал почти библиографической редкостью. Новый перевод С. П. Кондратьева значительно превосходит все предшествующие: переводчику удалось гораздо лучше передать целый ряд трудных для перевода мест, которые ввели в заблуждение Г. Янчевецкого.

Павсаний является ценнейшим источником для истории античного искусства и вместе с тем включает целый ряд важных сведений для археологии, мифологии, истории, литературы и других дисциплин.

Второй том перевода Павсания, как мы отметили, включает V—X книги. В V—VI книгах знаменитый путешественник описывает Элиду, подробно останавливаясь на художественных сокровищах Олимпии, ее храмах и многочисленных статуях, в том числе статуе Зевса работы Фидия. VII книга посвящена Ахайе, VIII—Аркадии, IX—Беотии. В X книге говорится о Фокиде, причем особое внимание уделено Дельфам с их святилищем Аполлона; среди различных сведений, которые сообщает нам здесь Павсаний, особенно интересны подробные описания картин Полигнота в Лесхе кноидая. Наряду с очень важными для истории искусств упоминаниями о тех или иных произведениях архитектуры, скульптуры и живописи, не менее ценны свидетельства Павсания о различной утвари и других приношениях, составлявших внутреннее убранство греческих храмов и сокровищниц.

В начале недавно изданного труда находится небольшая вступительная статья, живо характеризующая эпоху Павсания и заключающая краткие библиографические сведения. Перевод снабжен подстрочными примечаниями, в которых отмечены различные чтения текста. Кроме того, за каждой книгой помещены многочисленные примечания, разъясняющие текст Павсания, с ссылками на соответствующую литературу. В конце второго тома имеется обширный алфавитный указатель (стр. 489—590), наличие которого нельзя не отметить как очень положительное явление, к сожалению, далеко еще не ставшее правилом в нашей издательской практике.

Наряду с этими, несомненно, положительными качествами нельзя не отметить некоторые недостатки, почти неизбежные в каждом обширном труде. Эти недостатки касаются, главным образом, примечаний к переводу и иллюстраций в обоих томах.

В ссылках на литературу не всегда упоминаются довольно существенные новые работы, в частности на русском языке. Так, на стр. 139 (г. II), в прим. 30 в качестве